

КОНКУРС

Возвращение домой

Нам показалось важным представить читателям работу, победившую в нынешнем году на журналистском конкурсе имени Петера Бенеша форума «Петербургский диалог». Это статья молодой журналистки **Александры Ройков**, опубликованная еженедельником «Ди Цайт».

В детстве Саша какое-то время жила в общежитии для претендентов на статус беженца в швабском городе Людвигсбург.

24 года спустя она решает отыскать своих тогдашних соседей. Поиски помогли ей многое узнать не только о себе, но и о том, при каких условиях интеграция может оказаться успешной.

Александра Ройков

Картина, открывшаяся нашему взору, была настолько жалкой, что мы испугались: острая металлическая изгородь, за ней — здание из бетонных плит, скорее серое, чем белое. Внутренний двор был завален мусором, смуглые мужчины препирались друг с другом на незнакомом нам языке. Некоторые из них приблизились и уставились на нас. Это были беженцы — такие же, как и мы. Дом за забором стал нашим первым пристанищем в Германии. Бетонный барак располагался не просто на огороженной территории, но и к тому же в чистом поле, в сотнях метров от любого жилья. В то время здесь находилось около 300 претендентов на статус беженцев из 15 стран. Их ряды пополнили моя мать, мой отец, брат-близнец и я. Мне было тогда 4 года.

В начале 1990-х годов Германия согласилась ввести квоты для приема евреев, подвергавшихся дискриминации в Советском Союзе. Весной 1992 года мы отправились в Федеративную Республику, получив визу и гарантии гуманитарной защиты.

Наше общежитие находилось в федеральной земле Баден-Вюртемберг на окраине Людвигсбурга — небольшого городка, где главным событием года считалась выставка тыквы. Мы, принятые по квоте еврейские беженцы, называли общежитие не иначе как «лагерем». Там мы прожили больше года. Позднее нам удалось снять квартиру и переехать. Мы выучили язык, родители нашли работу. Мы с братом переехали в гимназию, потом поступили в университет. Он изучает информатику, я стала журналистом. Сегодня, встретив нас на улице, вы ни за что не догадаетесь, что мы приехали в страну в качестве беженцев. Мы «немечились» настолько, что я сама не вспоминала об этом долгое время — вплоть до осени 2015 года.

Уже много лет миллионы людей на планете вынуждены бежать из родных мест. Из Сирии и Ливана они направляются в Турцию, из Нигерии — в Ливию, в Италию. Большинство немцев об этом было известно и раньше. Однако в 2015 году они впервые смогли почувствовать, что это значит: за один сентябрь в Баварию прибыли 135 тыс. беженцев — больше, чем за весь 2014 год.

К этому времени я жила в квартире в доме старой постройки в Берлине и следила за новостями. Я видела, как Мюнхен рукоплескал беженцам — казалось, Германия готова помочь, дать этим людям надежду. Но чем больше их становилось, тем тише звучали приветственные речи. Даже мои друзья, толерантные, открытые миру люди, стали пугаться. «Эти люди совсем не похожи на нас», — сказал как-то один из них. — Сможем ли мы их интегрировать? Насколько это реалистично?»

Я подумала тогда о своем брате, который как раз приступил к работе над магистерской диссертацией. О нашем отце, который сегодня зарабатывает на жизнь традиционными швабскими клецками. Наконец, о себе, профессионально пишущей тексты на немецком языке. Наша интеграция увенчалась успехом, но раньше я не задумывалась, как это стало возможным.

В те дни я вспоминала время, проведенное нами в общежитии. Почти всех мигрантов, искавших убежище в Федеративной Республике, на первое время размещали в таком заведении. Так было в 1992 году, и так остается сегодня. Общежития служат своего рода транзитными станциями. Это как бы последняя точка, в которой человек еще может быть «стопроцентным» суданцем или иракцем, русским или косоваром. После одобрения ходатайства о предоставлении убежища мож-

Жизнь в лагерях мигрантов тяжела для взрослых, безрадостна для детей

но искать новое жилье. Ты заселяешься в общежитие беженцем, а покидаешь его новоиспеченным членом немецкого общества.

Как-то раз я смотрела по телевизору репортаж из переполненного берлинского ведомства по вопросам здравоохранения и соцобеспечения и вдруг подумала: а что стало с людьми, которые в одно время с нами жили в том общежитии? Мне захотелось встретиться с кем-то из них, чтобы понять, при каких условиях интеграция проходит успешно. А при каких — нет.

Лена Горелик, 35 лет, писатель: «Когда мы заселились в общежитие, мне было 11 лет. Я хорошо помню ссоры соседей, помню, как часто ночью я просыпалась, потому что приехала полиция. У одного из выходящих из России был пистолет, и порой он начинал из него палить. Думаю, жизнь в общежитии лишила его рассудка.»

Моя семья приехала из России, и тоже по еврейской квоте. Меня сразу же приняли в школу, хотя я совсем не владела немецким. По идее меня должны были взять в класс для проблемных учеников, в том числе для детей беженцев. Однако маме удалось настоять, чтобы я училась вместе с детьми немцев. Оглядываясь назад, могу сказать, что именно это меня и спасло. Я была вынуждена говорить по-немецки и не оказалась на запасном пути, как многие дети беженцев.

У моих родителей было инженерное образование, но в Германии их дипломы не признали. Сегодня круг их общения состоит преимущественно

из русских, одна женщина, немка, звала нас, детей беженцев, к себе на ферму. Это были лучшие уикенды в моей жизни. И что бы потом ни случилось, какими бы «чужими» ни продолжали казаться немцы — такой опыт не забывается».

Лена — первая соседка по «лагерю», которую мне удалось разыскать. Сегодня она живет в Мюнхене и пишет романы; несколько лет назад ее номинировали на Немскую литературную премию. Но для меня Лена — это прежде всего моя бывшая бекситтер. Когда моим родителям нужно было пойти на курсы немецкого языка или в ведомство по делам беженцев, иногда они оставляли нас с братом на Лену.

Долгие годы я восхищалась ею издалека. Когда же мы снова встретились, мне стало понятно, что она обязана успехом прежде всего двум вещам: честолюбию и отношению к ней как к равной. То, что сегодня она пишет книги, стало возможным лишь потому, что в детстве она не оказалась в изоляции. А это редкость.

Когда в 1992 году мы оказались в Германии, нас с братом поначалу не хотели принимать ни в один детский сад. Поэтому мы сидели дома и наблюдали за соседями по общежитию. Особенно мне запомнились чернокожие африканцы. Каждый день они сидели в кругу на корточках на полу кухни и передавали друг другу горшок. Они ели руками и прикрикивали друг на друга. Мы их боялись.

Вообще говоря, мы боялись и других обитателей общежития. Албанцев, которые громко сме-

ли, перешли пределы возможностей». Журнал Der Spiegel писал о «наступлении бедных», имея в виду моих родителей и меня.

Мои родители, несмотря на высшее образование, столкнулись тогда с такой же непосильной задачей, что и многие беженцы сегодня. На наше первое пособие в Германии отец в 1992 году купил не продукты, а игрушки. Моему брату достался пластмассовый пистолет, мне — плюше-

вый мишка с красным носом-пуговкой. Несколько сотен марок были большие суммы, которая когда-то водилась у моих родителей. Раз в месяц отцу нужно было идти в собес за пособием. За день до этого он принимался заучивать слова, предложения из учебника по немецкому языку.

«Мы родом из Санкт-Петербурга», «У нас двое малолетних детей». Когда после очередного похода он возвращался домой, его спина была потной от страха. Родители знакомились с Германией с беспокойством ребенка, который пытается наощупь ориентироваться в темной комнате. Когда они сталкивались с чем-то, что их пугало, они змирились. Все время боялись сказать или сделать что-то неправильное. Мама постоянно была готова расплакаться. Ей, литературоведу, какое-то время пришлось принимать заказы на пиццу. В итоге ее уволили, потому что она не могла запомнить немецкие названия улиц.

Поздней осенью 2015 года я каждый день пыталась разыскать других обитателей общежития. Я обратилась за помощью в администрацию города Людвигсбурга, писала в окружное управление Штутгарта, связывалась с волонтерами и представителями местной церковной общины. Но и все последствие не поддерживали контакта с беженцами и не могли вспомнить имена. В газетных статьях того времени слово предоставлялось встревоженным жителям близлежащих домов, но не беженцам. А все личные дела и списки были переданы на уничтожение. «Да что с тобой?» — недоумевала мама. Долгие годы я даже не вспоминала о «лагере», теперь же мысль о нем меня не покидала.

Ийл Османи, 52 года, владелец строительной фирмы: «Как только я получил то письмо, я понял, что нужно убраться из Косово. В нем говорилось, что мне следует явиться в полицию. Дело было в Югославии в начале чисток, и такая повестка означала конец. Человек исчезал, и о нем больше не слышали. Я собрал самые необходимые вещи и уехал. Всю мою жизнь государство меня пугало. Как только я переступил через границу, страх улетучился. Это было самое приятное чувство. Меня определили в общежитие в Людвигсбурге. Условия были чудовищные: крохотные клетушки, заниматься нечем. Я хотел одного: побыстрее

уехать оттуда. К счастью, мое ходатайство о предоставлении убежища вскоре удовлетворили, и я сразу принялся искать работу. Я увидел стройку и просто спросил: вам люди нужны? Начальник заметил, что я человек корректный, и взял меня на испытательный срок. Что значит «корректный»: если коллега заплатил за твой бокал пива, ты платишь за следующий для него. Так я и выучил немецкий язык: ходил с другими рабочими пить пиво, смотреть футбол... Сейчас мы живем в небольшом домишке в историческом центре Людвигсбурга. Я женился на албанке, с которой меня познакомила сестра. Албанская кровь для меня — это важно. Но если они предпочтут немцев, тогда, разумеется, я не стану препятствовать. В этом плане я тоже «стал немцем». Когда в Германию хлынула волна беженцев, я впервые заинтересовался политикой. Я смотрю телевизор, и на глаза наворачиваются слезы. Какой все-таки человек эта Ангела Меркель — я ею восхищаюсь. Германия — это чудо. Здесь никому не нужно жить в страхе, здесь закон тебя защищает. Если мигранты это увидят, они будут думать так же, как я, и подстрекаются».

Мои родители надеялись, что в Германии их ждет спокойная жизнь. Однако быт в общежитии оказался не слишком приятным. У нас был гарантированный статус беженцев, однако съехать из общежития мы не могли. Без работы в Германии невозможно найти квартиру, а без квартиры — работу. Что делать? Один наш сосед, инженер из России, арендовал ящик для писем, чтобы не указывать, что он живет в «лагере». Государство ограничивалось самой минимальной поддержкой. И обивать пороги ведомств, и рассылать резюме —

все это моим родителям приходилось делать самостоятельно.

Перелом наступил — как это часто бывает в жизни детей — благодаря одному взрослому немцу, который протянул нам руку помощи. Зимой 1992 года мой отец по объявлению в газете купил подержанный компьютер. Он проделал путь в 40 км на поезде, чтобы забрать товар у продавца. Прежний владелец, швабский компьютерщик возраста моего отца, предложил ему довести его обратно вместе с компьютером на машине. Когда он остановился перед зданием общежития, ему стало страшно.

На следующий день он снова приехал и привез нам с братом игрушки. Он предложил отцу пройти стажировку у него на фирме, а позднее правил его сопроводительные письма к резюме. Так отец нашел свое первое место работы, и мы смогли переехать в первую настоящую квартиру.

Ийл Османи, чей контакт для меня нашли в пресс-службе Людвигсбурга, тоже встретил такого «помощника». Ийл до сих пор каждый год пишет своему бывшему начальнику открытку на Рождество. В 1990-е годы мне казалось, что такие люди — это большая редкость. Ведь ограниченное число волонтеров приходилось на множество беженцев. Большинство немцев игнорировали нас или демонстрировали непонимание. Так, в бассейне моя мать ловила на себе осуждающие взгляды из-за того, что «не берегла» нас с братом от солнца. А ведь она просто не знала о существовании солнцезащитных кремов. Мой отец, воспитанный в духе советской дисциплины, был вынужден выслушивать нотации от воспитателей в детском саду, которые вталкивали ему, что в основе немецкого воспитания лежит не только строгость. До этого моему отцу такая мысль даже не приходила в голову. Родители учились не только немецкому языку, но и толерантности, и активной позиции. Сами того не замечая, немцы участвовали в их воспитании.

Нынешняя волна беженцев больше тревожит немцев из-за страха перед исламистским террором. В 1992 году, когда в Германию приехали мы, не было ни событий 11 сентября 2001 года, ни ИГИЛ. Беженки уже тогда носили платки, но никто в Германии не считал это объявлением войны.

Чем дальше я разыскиваю своих тогдашних товарищей по несчастью, тем больше узнаю о тех временах. В середине 1990-х в Германии насчитывалось около 360 тыс. беженцев из Югославии, однако меньше 10% из них остались в стране. Остальные впоследствии были депортированы либо покинули Германию добровольно. Я начинаю понимать, что нынешняя ЧС имеет чисто субъективную природу. Ритм сообщений в СМИ ускорился, при желании можно поставить песню о кризисе беженцев на повтор и слушать ее до бесконечности. Обилие новостных лент, срочных сообщений и твитов создает впечатление, будто беженцы навоевывают Германию, притом в городах они, как правило, не привлекают к себе внимания. Так, в Людвигсбурге сегодня насчитывается около 1,2 тыс. беженцев. Пытаюсь разобраться в этом вопросе, я целыми днями бродила по городу — и ни один из них не попался мне на глаза.

Конечно, у моих родителей было высшее образование и даже чисто визуально больше общего с немцами, чем у большинства сегодняшних беженцев. К тому же интегрировать людей, переживших травму, труднее. Чтобы они стали членами общества, требуется больше затрат времени, усилий и средств. «Мы, русские, самый трудный народ в мире», — говорит отец, когда я приезжаю к нему и рассказываю о своих поисках. — И даже мы научились жить так, как принято в Германии». Справится ли страна с нынешней ситуацией? Я уверена: если Германия сумела справиться тогда, то уж тем более справится и сегодня.

* Печатается с разрешения еженедельника «Ди Цайт». Сокращенный вариант